

В. В. Тюленева

ФОЛЬКЛОР И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОКРОВИЩАХ ИНКОВ, ОБЛАСТЬ КУСКО, ПЕРУ

Данный текст не является законченной работой, а представляет собой некоторые предварительные наблюдения, которые в дальнейшем будут положены в основу диссертационного исследования. Тема, вынесенная в заглавие, дает обширное и практически неразработанное поле для изучения. Работа над некоторыми ее аспектами была начата нами в 1999 году в России¹ и продолжена в Перу. Пребывание в Куско и его окрестностях с июля 1999 года по настоящий момент дало представление о подлинных масштабах темы и открыло путь к непосредственным полевым наблюдениям.

Область Куско — горный район Перу, являвшийся в XV—XVI веках центром империи инков, в наши дни служит местом средоточия основных археологических памятников инкской культуры. В первую очередь это сам город Куско — столица империи, сохранившая древнюю планировку, топонимику и архитектурные сооружения различной степени сохранности, инкорпорированные в колониальную и современную городскую застройку. Вне столицы, но в ее непосредственной близости инкские памятники концентрируются в так называемой Священной долине, в среднем течении реки Вильканоты, где находились личные земельные владения членов правящей династии. Венчает цепь этих памятников знаменитый центр Мачу Пикчу — главная археологическая достопримечательность Перу.

В живой актуальной культуре области Куско, особенно в небольших высокогорных сельских общинах, почти не затронутых модернизацией, многие черты являются непосредственным продолжением доиспанской традиции, начиная с сельскохозяйственных технологий и организации труда и кончая ритуальными практиками.

Как в сельской, так и в городской среде региона наблюдается ярко выраженное двуязычие, закрепленное и в законодательном порядке. Подавляющее большинство не только индейского и метисного, но и креольского населения помимо испанского языка в разной степени владеет кечуа — в прошлом официальным языком государства инков. Мало

того, в сельской местности наблюдаются явные сложности с испанским языком, особенно среди женской части населения.

И наконец, необходимо отметить, что жителей области Куско, в особенности самого города Куско, отличает специфический менталитет, питаемый и культивируемый интеллектуальной средой столицы. Главный элемент этой идеологии — обостренное внимание к проблемам национальной идентичности и убеждение в непосредственной преемственности современной и доиспанской культуры. Жители Куско, принадлежащие к разным социальным слоям и обладающие различным уровнем образования, практически независимо от реального процента индейской крови осознают себя скорее как прямые потомки инков, нежели как метисная нация. Стандартная формула, которая выражает это отношение и которую в равной степени используют индейцы, метисы и креолы, приблизительно такова: «Мы были процветающей нацией (имеются в виду инки), но пришли европейские варвары и прервали наше естественное развитие, насаждая свою культуру в худших ее проявлениях. Поэтому наша страна сейчас в числе отстающих. Если бы не вторжение испанцев, мы были бы сейчас одной из самых процветающих стран мира». Эту формулу, в самых крайних ее вариантах, можно услышать равно из уст индейца и из уст креола — прямого потомка конкистадоров, прекрасно знающего свое происхождение.

Референции к инкским временам и к древнему наследию пронизывают повседневную жизнь и воспринимаются как ее естественный атрибут. В этот контекст и следует поместить тему настоящей работы — обильную и многообразную фольклорную традицию о сокровищах инков, которая, как это ни странно, до настоящего времени почти не удостаивалась профессионального изучения. Многолетней давности работа С. К. Лотропа², основанная на данных колониальных источников, является практически единственным специальным исследованием, близким к названной теме. Очевидно, ценен сам факт специального интереса к данному кругу сюжетов, но работа эта явно фрагментарна и обзорна, хотя и не претендует на исчерпывающую полноту. Кроме того, она целиком посвящена колониальному материалу и не затрагивает более поздних пластов.

Тема золота инков в изобилии присутствует как в живом современном фольклоре, так и в колониальных письменных источниках, где ее также можно рассматривать в фольклорном ключе, поскольку ее львиную долю представляют не документальные свидетельства хронистов, а истории, записанные с чужих слов, во многих случаях далекие от реалистических. После хроник времен Конкисты эта тема прослеживается в более поздних колониальных миссионерских документах и записках путешественников (Гумбольдт, Сквайер³ и др.). Источники, таким образом, выстраиваются в практически непрерывную хронологическую

цепь — уникальный случай для фольклорной традиции, представляющий уникальную же возможность проследить историческую эволюцию и трансформацию отдельных сюжетов вплоть до современности.

Помимо эволюции сюжетов, другой интересной проблемой, но уже в применении к современному материалу, является проблема фольклора в его контекстуальном обрамлении: носители, ситуации и обстоятельства изложения, сопутствующие представления и, наконец, функция этого круга сюжетов в смысле их психологической ценности для рассказчиков и слушателей.

Круг носителей этой фольклорной традиции чрезвычайно широк, причем примечательна не столько его географическая, сколько социальная широта. Тема золота пользуется необычайной популярностью среди самых разнообразных социальных слоев, хотя, разумеется, у каждой социальной группы обладает своей спецификой. Условно рассказчиков можно разделить на три большие категории.

Первая из них — это крестьяне из сельских общин. С данным кругом носителей мы познакомились во время пребывания в долине Вильканоты и во время археологической разведки в долине Лукума, провинция Конвенсьон. Этой группе свойственна краткость и своего рода практичность. В этой среде почти не встречается сложных развернутых повествований. Отдается предпочтение конкретным комментариям о местах по соседству, где предполагается местонахождение сокровищ, пояснениям о том, как их искать и каких правил при этом стоит придерживаться. Изобилуют также рассказы о родственниках и соседях, искавших сокровища, успешно или безуспешно, равно как и истории из собственного опыта в этой области. Сельское население в вопросах кладоискательства проявляет крайнюю осторожность и подозрительность, и услышать что-либо на эту тему возможно, лишь заслужив определенное доверие. При этом постороннему оказывается, как правило, больше доверия, нежели собственному соседу. Во всех без исключения известных нам случаях рассказчики безоговорочно верили в свои слова.

Вторая категория — средние социальные слои: ремесленники, мелкие торговцы и предприниматели, преимущественно живущие в поселках области Куско, а также в самой столице. Ее представители гораздо больше склонны к длинным, затейливым повествовательным текстам, изобилующим деталями. Это, как правило, рассказчики, получающие удовольствие от самого процесса исполнения рассказа и заинтересованные в равной мере в литературных достоинствах и в практической его стороне. В этой среде на темы о сокровищах говорят довольно охотно и с готовностью, без налета секретности, свойственного предыдущей группе. Как правило, чтобы получить соответствующую информацию, достаточно только проявить интерес к теме. Однако предпочитают рассказывать один на один со слушателем, — по нашим наблюдениям, не столько из соображений утайки информации, сколько из боязни быть

опровергнутыми и с целью пользоваться полной свободой в изложении своей собственной версии. Что касается веры в достоверность собственных слов, то это вопрос крайне сложный. Иногда рассказчики подходят к своим текстам с чисто литературных позиций, в особенности когда сознательно трансформируют и дополняют содержание, дабы добиться большей красочности либо заполнить логические пробелы в ткани повествования. В ряде же случаев они относятся к вопросу достоверности весьма серьезно. Но что самое любопытное, во многих случаях эти два подхода совмещаются, иными словами, рассказчик верит в то, что сам придумал или дополнил *ad hoc*.

И наконец, третья категория, которая крайне редко попадает в орбиту фольклорных исследований. Если отталкиваться от понятия фольклора как атрибута исключительно традиционной культуры, то, действительно, этот круг рассказчиков выпадает из поля изучения. Однако здесь мы предпочитаем рассматривать фольклор в более широком смысле, в том, который придают этому понятию, говоря о детском или городском фольклоре. В противном случае нам пришлось бы оставить без внимания значительную часть ценного материала. Итак, третья категория — это люди с высшим образованием, в большинстве своем жители Куско, но также и провинциальная интеллигенция, по преимуществу поселковые учителя.

На общем фоне этого класса рассказчиков ярко выделяются две профессиональные группы: учителя и экскурсоводы. Учителя в поселках области Куско, как и провинциальные учителя во многих других странах, являются местными авторитетами и зачастую систематически занимаются краеведением, в которое входит и собирание фольклора. Собирание фольклора, разумеется, трактуется ими не с позиций строгих методов современной высокой академической науки. Они с легкостью сводят несколько версий в одну оптимальную, сглаживают шероховатости и логические противоречия, заполняют лакуны и стилизуют форму изложения. Результатом является скорее письменно-литературный, нежели в прямом смысле фольклорный текст. Эти тексты в ряде случаев и попадают в печатные издания краеведческого толка. Тем не менее игнорировать эту форму хождения фольклорных сюжетов нельзя.

Вторая группа — экскурсоводы — представляет собою в Куско весьма значительную и влиятельную профессиональную прослойку, ввиду интенсивности туризма. Она играет чрезвычайно важную роль в циркуляции фольклора в городской среде. До недавнего времени работа экскурсовода в Куско требовала специальной университетской подготовки на факультете туризма, однако эта профессиональная подготовка в корне отличается от академического образования: в этом кругу принято крайне вольно обращаться с информацией, и не столько ориентироваться на печатные данные, сколько воспроизводить устные коммен-

тари, услышанные от преподавателей и коллег либо от иных осведомленных лиц. Поскольку главное в их работе — увлекательность изложения, а отнюдь не историческая строгость, фольклорные сюжеты о сокровищах используются ими сплошь и рядом, претерпевая при этом самые причудливые трансформации. Вместе с тем воспроизводимые ими тексты продолжают существовать по фольклорным законам, то есть по законам изустной передачи. Помимо учителей и экскурсоводов диапазон людей с высшим образованием, выступающих в роли носителей данного типа сюжетов, чрезвычайно широк и разнообразен. Нам приходилось сталкиваться с профессиональными археологами, весьма искусно и с увлечением излагавшими такие сюжеты и вполне серьезно относившимися к их содержанию.

Рассказчики этой третьей категории, как правило, излагают наиболее связанные и литературно отшлифованные версии и подходят к их содержанию с, так сказать, отвлеченных и незаинтересованных позиций: их куда больше волнует занимательность и логичность сюжета, нежели точность воспроизведения и достоверность фактов. Во многих случаях вопрос о достоверности не ставится вовсе, в других же рассказчики не желают признаваться, что верят в собственные слова, дабы не скомпрометировать свою репутацию образованных и честных людей. Кладискательство официально находится под запретом и неофициально считается сомнительным занятием. Однако среди рассказчиков этой категории встречаются искренне и безоговорочно верящие в подлинность описываемых событий. В особенности это характерно для экскурсоводов.

Как показала практика, все три категории рассказчиков предпочитают обсуждать интересующую нас тему в доверительной обстановке и с предубеждением относятся к записи текстов на пленку. Особенно это характерно для первой категории, которая расценивает изучаемую тему как строго конфиденциальную. Это обстоятельство, разумеется, затрудняет сбор материала и делает практически невозможным использование традиционных методов фиксации текстов. В большинстве случаев даже письменные заметки во время изложения вызывают неудовольствие либо разрушают естественность ситуации. В этих условиях единственным надежным методом служит записывание текстов по памяти непосредственно после беседы. Это наносит ущерб точности воспроизведения, но специфическое отношение рассказчиков к теме не оставляет иной возможности.

Одна из очевидных особенностей изучаемого материала — это активное взаимодействие между устными и письменными текстами. Как уже упоминалось, нередко литературно обработанные фольклорные тексты появляются в краеведческих и научно-популярных изданиях. Что же касается обратного влияния — от письменных текстов к устным, — то рассказчики третьей категории сплошь и рядом пополняют свои познания, обращаясь к тем же научно-популярным и краеведческим издани-

ям, а в ряде случаев и к трудам колониального периода. Из числа последних особенно широко используется «Comentarios Reales» Гарсиласо де ла Веги⁴.

Другая важная деталь — это взаимодействие фольклорной традиции с реальной практикой кладоискательства и уакерии — систематического грабежа археологических памятников в коммерческих целях. Уакерия в Перу в XX веке превратилась в широко распространенную подпольную профессию, снабжающую товаром международный рынок древностей. Предметы, поступающие из области Куско и в большинстве своем относящиеся к культуре инков и их непосредственных предшественников и современников, на этом рынке в настоящий момент далеко не самый ходовой и высоко ценимый материал. Гораздо большим спросом пользуются, к примеру, вещи начала нашей эры с южного побережья Перу, из долины Ика, что превратило эту зону в место паломничества уакерос со всей страны. Тем не менее и в Куско это занятие процветает. Как правило, уакерос не посвящают свое время полностью этому ремеслу и имеют официальное общественное положение. Это в большинстве своем сельские или поселковые жители либо горожане, имеющие земельные владения вне города, так или иначе связанные с сельской местностью и располагающие информацией о неохранных и неизвестных археологических памятниках. Уакерия служит для них источником дополнительного дохода, который часто превышает основной, если они занимаются ею систематически. Нам довелось познакомиться с жителем Абанкая, человеком приблизительно сорока лет, владельцем земельных сельскохозяйственных угодий, который одновременно руководит хорошо организованной группой уакерос из четырех-пяти человек, родственников и друзей, располагающих техникой и совершающих вылазки примерно раз в месяц на несколько дней в район незарегистрированных археологических памятников, а затем сбывающих добытые предметы в Куско. Группа функционирует как настоящее коммерческое предприятие и приносит значительный доход. В качестве хобби уакерией в Куско занимались и занимаются практически все. Сплошь и рядом можно услышать от вполне уважаемого гражданина, с семьей и профессией, под большим секретом историю о том, как он однажды отправился на выходные искать клад. Однако людям, не занимающимся уакерией систематически и не владеющим соответствующими практическими навыками, эти попытки не приносят существенных результатов. В реальности большинство древностей, добытых подобным образом, не подпадает под категорию сокровищ. Львиная их доля — это керамика, изделия из камня, кости, меди и сплава меди с серебром. Однако в среде уакерос верования и истории, связанные с поисками золота, имеют чрезвычайно широкое хождение и воспринимаются крайне серьезно.

Рассмотрим теперь основные верования и представления, распространенные как среди практикующих кладоискателей, так и среди людей, не имеющих к этому роду деятельности прямого отношения. Эти верования можно разделить на два блока: первый — опознавательные признаки и способы поиска золота и второй — опасности, подстерегающие кладоискателей.

Сокровища инков в первую очередь ассоциируются с золотом, реже — с золотом и серебром, находящимися в погребениях либо намеренно спрятанными — закопанными в землю или скрытыми в пещерах, реже утопленными в озерах. Представление о намеренном сокрытии инками золота связывается обычно со временами Конкисты, когда инкская знать якобы стремилась всеми возможными средствами утаить свои богатства от алчных завоевателей.

Общераспространенным среди всех трех категорий рассказчиков является верование в свечение золота из-под земли по ночам — главный признак, по которому его следует искать. На данный момент известно несколько десятков человек в Куско и долинах Вильканоты и Лукума, утверждающих, что видели это свечение своими глазами, и предлагавших показать его. Наиболее широко бытует версия, что золото светится голубым светом, что отличает его от свечения костей, излучающих желтое сияние. Также нам пришлось слышать, что золото излучает желтый свет, а серебро — белый, но эта версия на данный момент не оценивается нами как широко принятая, так как она встретила в нашей практике всего один раз, исходила от городского жителя и страдает явно излишней логичностью. Наряду с представлением о свечении существует представление о самопроизвольном перемещении золота под землей, на что указывает перемещение свечения.

Кроме этого архаичного метода поиска золота, в верованиях тех же людей активно присутствует современная технология, представленная металлоискателем. Практически все обсуждающие эту тему свято верят во всемогущество металлоискателя и в его необходимость для успешных поисков. Многие практикующие уакерос действительно располагают этим прибором, но для большинства он остается предметом недостижимым. Неудачи в поиске сокровищ зачастую списываются на отсутствие детектора, и высказывается убеждение в том, что, если бы таковой имелся, золото непременно было бы найдено.

Среди опасностей, связанных с кладоискательством, в первую очередь стоит упомянуть «сурьму» — смертельно ядовитый газ, который то ли продуцируется самим золотом, то ли скапливается в местах, где под землей концентрируется большое количество золота. Версии относительно сурьмы варьируются в диапазоне от совершенно мистических, как проклятье или возмездие за потревоженный покой умерших, до псевдонаучных. Каждый из говорящих на эту тему может привести один или несколько примеров смертей, болезней, преждев-

ременного старения и т. п., причиной которых послужила сурьма. Уакерос принимают против отравления сурьмой реальные меры предосторожности, работая в респираторах и удаляясь на некоторое время от свежевскрытых могил. Данное верование можно встретить даже среди профессиональных археологов. Вполне возможно, что оно базируется на определенных реальных основаниях, что может подтвердить или опровергнуть только профессиональный химик.

Менее рациональное и более традиционное верование предостерегает против мести умерших древних (*gentiles*), которым принадлежали богатства, в особенности если речь идет об ограбленном погребении. Однако этой опасности реально бояться гораздо меньше, нежели сурьмы.

Наиболее действенным средством добиться успехов в кладоискательстве и, главным образом, избежать нежелательных последствий, в том числе уберечься от отравления сурьмой, является общераспространенный в горном Перу ритуал жертвоприношения земле (*pago a la tierra*). Этот ритуал широко практикуется в сельских общинах как акт обмена с внешним миром. При необходимости он может быть совершен по заказу городского жителя, под руководством приглашенного ритуального специалиста. Сама процедура ритуала достаточно освещена в литературе и не имеет прямого отношения к нашей теме, а потому мы не будем на ней останавливаться.

Перейдем теперь к повествовательным сюжетам, связанным с инкскими сокровищами. В целом все эти сюжеты можно свести к единой теме, состоящей из двух частей. Первая часть служит указанием на источник сокровищ, отсылая ко временам инков. Иногда она описывает происхождение и назначение тех или иных драгоценных предметов, иногда рассказывает об обстоятельствах их сокрытия. Вторая часть относится к современности и повествует о поисках и/или обнаружении сокровищ. В большинстве случаев персонажами второй части являются родственники, знакомые или знакомые знакомых рассказчика, гораздо реже — сам рассказчик. Обнаружение сокровищ обычно совершается одним из трех способов: направленный поиск, случайная находка либо раскрытие их местонахождения неким посвященным лицом. Направленный поиск в рассказе отнюдь не всегда завершается удачей, часто усилия кладоискателей остаются безрезультатными. Эта тема в некоторых рассказах присутствует полностью, в других же — в редуцированном виде. Сюжет может состоять только из одной первой либо из одной второй части или может содержать одну из частей в сильно сокращенной форме.

В собранном нами на данный момент материале стоит выделить четыре распространенных и имеющих традицию сюжета: о золотом саде инков, о Чинкане, о выкупе Атауальпы и о затерянном городе.

Основа первого из этих сюжетов сводится к следующему. При дворе верховного инки либо в одном из главных храмов находилось собра-

ние натуралистичных золотых изображений растений, животных и неодушевленных предметов, а также человеческих фигур. Некоторые версии указывают, что эти изображения были исполнены в натуральную величину. Во время Конкисты эта коллекция таинственным образом исчезла, миновав руки завоевателей. Вторая часть сюжета, часто появляющаяся отдельно от первой, повествует о том, что местонахождение сада (как правило, в подземной пещере) известно немногим посвященным потомкам индейской знати, и иногда рассказывает о том, как некоему лицу были показаны эти сокровища одним из посвященных. Локализация как изначального, так и нынешнего местонахождения сада сильно варьируется — от Куско и его окрестностей до Кито — и выходит, таким образом, за рамки чисто местной традиции. Этот сюжет в разных модификациях проходит через колониальные хроники и исторические труды, затем появляется в записках Гумбольдта (см. выше) и продолжает передаваться в наши дни. Более подробно сюжет о золотом саде мы рассмотрели в уже упоминавшейся статье⁵. За рамками статьи остался практически весь пласт современного полевого материала, в тот момент нам недоступного. Сейчас мы можем отчасти заполнить этот пробел, приведя одну из записанных нами недавно версий.

Данная версия была изложена жителем поселка Урубамба, приблизительно пятидесяти пяти лет, скульптором по профессии, увлекающимся мистикой. Описываемые события относятся ко временам почти двухсотлетней давности, то есть к рубежу эпохи независимости. Предок рассказчика (tío) по имени Доминго Астете жил в это время в Куско. Один из последних потомков инкской аристократии пожелал показать ему легендарный золотой сад. Однако Доминго Астете заявил, что, будучи белым человеком и добрым христианином, не желает лично иметь дела с индейскими секретами, и вместо себя послал своего слугу. Индеец завязал слуге глаза и провел его в подземную пещеру, предварительно долго кружив, чтобы тот потерял ориентацию и не запомнил направления. В пещере слуга увидел прославленную сокровищницу, и в качестве доказательства увиденного ему было предложено взять что-нибудь с собой. Слуга выбрал мешочек с золотыми семенами (peritas). На обратном пути, который также был проделан с завязанными глазами и прочими предосторожностями, слуга тайком выбрасывал семена, чтобы потом по ним найти дорогу назад. Однако, когда они подошли к дому и индеец снял повязку с глаз слуги, тот увидел у него в руке горсть золотых семян. «Возвращаю тебе твои семена», — сказал проводник, вручая их слуге. Он заметил уловку и по пути аккуратно собрал все зерна. Слуга рассказал эту историю хозяину и передал ему подарок, но тайна местонахождения золотого сада так и осталась нераскрытой. По словам рассказчика, это повествование было записано самим Доминго Астете в небольшой тетради, которая

спустя два века оказалась в руках его потомка. Однако где находится теперь эта тетрадь, рассказчик вспомнить не смог. Свое изложение он снабдил следующим комментарием: сокровища инков остаются недоступными современным людям по причине их алчности, испорченности и ограниченности. В один прекрасный день эти секреты раскроются, но лишь тогда, когда человечество очистится от скверны и обретет высшие знания.

Другой сюжет сформировался вокруг реально существующего локуса в Куско — известной Чинканы — подземной пещеры или тоннеля, который якобы во времена инков соединял крепость Саксауаман на окраине города с Храмом Солнца Кориқанчи (впоследствии — монастырь Санто Доминго, ныне музей и действующая церковь). Согласно сюжету, во времена Конкисты в этом тоннеле были скрыты несметные богатства инкского двора и храмов (здесь история о Чинкане перекрещивается в ряде случаев с сюжетом о золотом саде). Вторая часть рассказа гласит, что вплоть до 1960-х годов в окрестностях Саксауамана действительно существовал вход в глубокую и разветвленную пещеру, уводящую далеко под землю и считавшуюся хранилищем сокровищ. Защитой им служила разветвленность подземных ходов и уже упоминавшаяся сурьма. Тем не менее желающих исследовать Чинкану было достаточно, и время от времени там кто-нибудь пропадал. Изобилуют версии о пропавших там людях, которые спустя долгое время выходили из Чинканы, неся золотые предметы. Большинство этих версий завершается смертью героев от отравления сурьмой либо от невыясненных причин. В 60-е годы власти, обеспокоенные случаями исчезновения людей, с помощью военных закрыли Чинкану, взорвав тоннель на некотором расстоянии от входа. Сам вход существует и по сей день, и местные жители охотно показывают его интересующимся лицам. Ранние варианты этого сюжета нам пока не известны, но можно предполагать, что они существуют и станут известны в ходе дальнейших поисков в письменных источниках.

Вот одна из версий истории о Чинкане, рассказанная жителем поселка Калка, двадцати пяти лет, ремесленником (*artesano*) по профессии.

Однажды в Чинкану вошли трое школьников и пропали, а через год вышли стариками. Вернее, вышел только один, остальные умерли в пещере. Единственный выживший выбрался с обратной стороны Чинканы, через церковь Санто Доминго (в прошлом — Кориқанча). В церкви в это время шла месса. Священник услышал стук в заднюю дверь, открыл ее и увидел старика с большим золотым кукурузным початком в руках. Старик почти сразу умер. Эффект преждевременного старения, как и во многих других рассказах, приписывается сурьме.

Золотой кукурузный початок фигурирует и в ряде других версий. Прототипом этому элементу, по всей видимости, служит реальный подобный артефакт, хранящийся в музее при Кориқанче.

Приведем еще одну версию, связанную с тем же локусом. Данный текст был изложен в личной беседе коренным сорокалетним жителем Куско, с высшим образованием, проявляющим активный интерес к теме сокровищ и являвшимся другом семейства, о котором идет речь. Импульсом к рассказу послужило упоминание в беседе о Чинкане. В ныне престижном районе Куско Сан-Кристоваль есть дом, точнее, усадьба: большое земельное владение с главным зданием и множеством подсобных построек. Прежде это владение принадлежало богатому и известному семейству Меллини. Меллини были типичными потомками испанцев, то есть снобами и расистами. На территории усадьбы есть и по сей день хорошо сохранившийся фрагмент инкской стены с дверью (*portada*), которая, по преданию, служила во времена инков входом в Саксауаман. Эта стена действительно существует и представляет собой первоклассный образец инкской архитектуры. В 1960-х годах, по слухам, глава семейства Меллини, копя под этой стеной, наткнулся на Чинкану, ведущую из Саксауамана в Корианчу, и там нашел огромные богатства, превратившие его в одночасье в миллионера. Информация о находке, разумеется, стала просачиваться за пределы дома, и Меллини всячески стремился этому воспрепятствовать. Своим друзьям, людям одного с ним общественного положения и важным персонам Меллини дарил деньги с целью притушить слухи и избежать юридических проблем (в числе одаренных этими деньгами оказался и отец рассказчика данной истории). Что же касается свидетелей более низкого социального положения, в особенности индейцев, которые почитали сокровища инков неприкосновенными и потому не принимали взяток, то, по слухам, среди них были жертвы. Ситуация вокруг дома Меллини постепенно накалялась, пока в один прекрасный день на него не было совершено массивное нападение грабителей, искавших найденные сокровища. О том, кто были нападавшие и каков был исход налета, ходят самые туманные и разноречивые слухи, но известно, что это было самое настоящее сражение, подобное штурму крепости. За нападением и юридическим разбирательством последовал громкий скандал, в результате которого Меллини были вынуждены переселиться в Лиму. Дом, который существует и по сей день, то ли продан, то ли сдается внаем. Тема сокровищ в кругах, близких семье Меллини, считается скользкой, деликатной, а то и опасной и обсуждается неохотно.

Отправной точкой для третьего сюжета служит история выкупа последнего инки Атауальпы, реальный исторический факт, присутствующий во всех хрониках Конкисты, но обросший обильной фольклорной традицией. Историческая часть, известная в общих чертах каждому перуанцу, сводится к следующему. Когда последний инкский правитель Атауальпа был взят в плен испанцами в Кахамарке, он предложил за свою свободу огромный выкуп драгоценными металлами, и

по его приказу в короткий срок со всей империи в Кахамарку были доставлены баснословные количества золотых и серебряных предметов. Однако испанцы, не дожидаясь окончания сбора выкупа, казнили Атауальпу, а собранные к тому моменту ценности были пущены в переплавку. Фольклорное продолжение этой истории гласит, что часть выкупа находилась в пути из Куско в Кахамарку, когда до каравана дошла весть о казни Атауальпы. Представители инкской знати, руководившие караваном, не видя более смысла продолжать путешествие, спрятали сокровища в труднодоступной пещере и убили всех носильщиков и прочих свидетелей из низшего сословия во избежание утечки информации. Вторая, современная часть сюжета, существующая во многих вариантах, повествует о поисках этой пещеры.

Вот одна из версий, записанная со слов тридцатилетнего жителя Куско, архитектора по профессии.

Дед рассказчика, будучи молодым, и его родственники получили по наследству документ XVIII века, где говорилось о части выкупа Атауальпы, спрятанного в пещере, с подробным описанием пути. Дед и его четверо или пятеро кузенов организовали экспедицию в поисках клада. Все приметы, обозначенные в документе, совпадали с реальным ландшафтом. Начинаясь путь от перевала Малага и следовал в сторону пика Салканта. В соответствии с документом, экспедиция прошла три долины. В одной из них, опять в соответствии с документом, находилась полуразрушенная постройка. Другая, как и говорилось в тексте, была полна ядовитых змей. В одном из пунктов документа было указано, что вдалеке должна была быть видна инкская крепость. Это также подтвердилось, и этой крепостью было городище Мачу Пикчу, что доказывает исключительную осведомленность автора документа, учитывая, что в XVIII веке, когда должен был быть написан текст, Мачу Пикчу еще не было открыто. В определенной точке пути, опять же в соответствии с рукописью, путешественники вышли на инкскую дорогу и следовали по ней, пока не дошли до участка, разрушенного обвалом. В поисках прохода экспедиция разделилась на две группы, одна из которых двинулась верхом, а другая в обход. Но оба пути оказались слишком трудными, произошло несколько несчастных случаев, и было решено повернуть назад, хотя согласно документу пункт назначения был уже близко. По возвращении четверо старших кузенов (в их число дед рассказчика не входил) разделили рукопись на четыре части и распределили их между собой, с гарантией, что ни один не повторит попытки в одиночку. Условились снова пойти вместе на следующий год, но план не был осуществлен. Со временем кузены состарились и поумирали, их потомки потеряли связь друг с другом, и, где теперь части документа, толком неизвестно. Рассказчик знает эту историю со слов своего деда, фрагментов документа он не видел, но в его существовании не сомневается. Мало того, он проявил актив-

ное желание навести справки среди членов своего семейства и убежден, что при желании рукопись можно собрать вновь.

И наконец, четвертый сюжет, точнее, комплекс сюжетов, связанных общей темой затерянного города. Подобного рода мотивы встречаются в разных районах Перу, соседствующих с сельвой, вдоль бывшей восточной границы инкской империи. Но пожалуй, в наиболее яркой форме эта тема развивается в сюжете о городе Пайтити — последнем прибежище инков. Сам гипотетический город локализуется, как правило, на территории Национального парка Ману в департаменте Мадре де Дьос, к северу от Куско, но зоной наиболее интенсивного распространения сюжета является территория между Куско и Ману: Калка, Ларес, Ампараес, Паукартамбо. Сюжеты, существующие вокруг топонима Пайтити, хорошо прослеживаются в письменных источниках с ранней колониальной эпохи и претерпевают любопытные метаморфозы⁶. Первоначально этим именем называлась некая богатая страна в сельве, аналог Эль Дорадо, куда, как предполагалось, можно попасть, следуя по течению Мадре де Дьос (Амарумайю) или Бени⁷. Исходя из этих данных, обычно делают вывод, что речь идет, возможно, о реально существовавшем сильном племенном объединении в районе впадения Бени в Мадейру, на границе Перу, Боливии и Бразилии. Но уже в XX веке это же название по не вполне понятной пока причине было спроецировано на более близкие к цивилизации территории верхнего течения Мадре де Дьос, и появился второй Пайтити — мифическое последнее прибежище инкской аристократии и место, куда были эвакуированы ценности из Куско (по другой версии — сокровища храма Виракочи в Ракчи). Пайтити обычно представляется как большой город, напоминающий Куско, где золотые статуи инков расставлены непосредственно на улицах. Подступы к городу чрезвычайно опасны в силу естественных условий, а также потому, что его охраняет воинственное индейское племя. Тем не менее изобилуют рассказы о людях, случайно или намеренно попадавших в Пайтити и возвращавшихся живыми, иногда с золотыми предметами в качестве трофеев. Некоторые версии описывают Пайтити как живой город, где до сих пор живут потомки инков. Этот современный вариант сюжета о Пайтити как о последнем убежище инков перекликается с некоторыми версиями сюжета об Эль Дорадо, к примеру с версией Уолтера Рэли⁸.

Несколько расширяя нашу тему, стоит упомянуть, что Пайтити в Перу выходит далеко за рамки фольклорного сюжета. Он в последние десятилетия превратился в любопытный социальный феномен. В поисках Пайтити организуются десятки экспедиций, пишутся книги, ведутся дискуссии. Существует определенный круг людей, вовлеченных в эту деятельность, со своими признанными авторитетами. Библиография о Пайтити насчитывает десятки изданий: отчеты об экспедициях,

попытки этноисторических экскурсов, — однако, за редким исключением, это любительские сочинения, не имеющие прямого отношения к профессиональной истории или археологии⁹. Их основное достоинство, с наших позиций, состоит в том, что они в изобилии используют фольклорный материал. Практическим результатом этой бурной активности было обнаружение в Ману ряда реальных археологических памятников любительскими экспедициями. Так, в 1970-х годах супругами Картахена было обнаружено поселение Мамериа — по всей видимости, небольшой провинциальный центр, до сих пор практически не известный профессиональным археологам. Однако эти поиски в большинстве случаев приносят скорее негативные, нежели позитивные плоды, так как обнаруженные памятники подвергаются немилосердному разграблению если не самими первооткрывателями, то их последователями. Профессиональная археология до настоящего момента оставляет эту зону практически без внимания ввиду сложных условий работы в сельве. Но, с другой стороны, работа археологов могла бы быстро разрушить фольклорную традицию.

Тема Пайгити в комплексе гораздо сложнее и обширнее тех кратких комментариев, которые мы здесь приводим, и безусловно заслуживает отдельного исследования, которое будет проделано нами в ближайшем будущем.

В заключение вернемся к поднятому нами в начале статьи вопросу психологического основания, на котором базируется популярность историй о сокровищах. На первый взгляд этот вопрос кажется излишним, а интерес к теме само собой разумеющимся. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что конкретный ответ на этот вопрос не столь очевиден.

По нашим наблюдениям, главных психологических мотивов три. Они практически никогда не высказываются эксплицитно, но их можно вычислить по отношению рассказчика к предмету.

Первый из этих мотивов — гипотетическая возможность быстрого и легкого обогащения. Рассказчик может ею никогда реально не воспользоваться, но ему важно, что такой шанс существует где-то рядом. В стране с весьма невысоким уровнем жизни и ограниченной социальной мобильностью это служит своего рода психологической поддержкой. Этот наиболее «практический» из трех мотивов особенно явно ощущается у первой и второй категории рассказчиков, то есть у сельского и поселкового населения. Обратной стороной той же идеи является объяснение чужого успеха внезапным обнаружением сокровищ. Сплотью и рядом в рассказах присутствует мотив, который можно обозначить как «внезапно разбогатевший сосед». Если некто быстро и легко преуспел, этому нет иного объяснения, кроме как находка клада (здесь стоит вспомнить приведенный выше текст о Чинкане и доме Меллини).

Второй из мотивов представляется более рафинированным и менее меркантильным. Он связывается с бытующими в Куско представлениями об идентичности, о которых говорилось в начале данной работы. Представление о скрытых сокровищах — одно из проявлений идеи о неумиряющих ценностях древней культуры, продолжающих в латентной форме существовать в современности, идеи о том, что нечто наиболее ценное и существенное осталось недоступно завоевателям. В крайней форме это представление связывается с утопической идеей реванша индейской культуры и возврата «золотого века» эпохи инков. В этом варианте золоту предстоит быть сокрытым до того момента, когда оно сможет вернуться в руки своих «истинных хозяев». Этот круг идей распространен в среде индианистски настроенной интеллигенции, преимущественно в Куско.

Третий мотив, который можно расценивать как наиболее универсальный, присутствующий у всех трех классов рассказчиков, есть мотив эстетический, базирующийся на эстетической категории «необычного», выходящего за рамки повседневного опыта, в крайнем проявлении — «чудесного». Эта категория редко рассматривается в рамках эстетики, тем не менее она чрезвычайно действенна и притягательна, а потому широко эксплуатируется. На ней, в частности, основана значительная часть продуктов современной массовой культуры. Истории о сокровищах, их поисках и нахождении используют ее как нельзя более эффективно.

Завершая данную работу, хотелось бы еще раз отметить, что отдельные проблемы и темы, намеченные здесь, будут в дальнейшем рассмотрены более подробно.

Примечания

¹ Тюленева В. В. Сюжет о Золотом саде инков // Ювелирное искусство и материальная культура: Материалы семинара. Государственный Эрмитаж. Весна 1999. СПб. (в печати).

² Lothrop S. K. Inca treasure as depicted by Spanish historians. Los Angeles. The Southwest museum. Administrator of the Fund, 1938. Vol. 2. Publications of the Frederick Webb Hodge anniversary publ. fund.

³ Гумбольдт А. фон. Картины природы / Пер. с нем. М.: Географгиз, 1959; Squier E. G. Incidents of Travel and Exploration in the Land of the Incas. New York, 1877.

⁴ Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков / Пер. со староисп. В. А. Кузьмищева. Л.: Наука, 1974.

⁵ См. сноску 1.

⁶ Gott R. Land without evil: utopian journeys across the South American watershed. New York: Verso. 1993; Levillier R. El Paititi, El Dorado y las Amazonas. Buenos Aires: Emeci Editores. 1976.

⁷ По иным версиям, Пайтити — имя правителя этой страны.

⁸ Рэли У. Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа (который испанцы называют Эль-Дорадо)... М., 1963.

⁹ Вот некоторые из этих изданий, пользующихся особой популярностью: Iwaki Ordoñez R. Operación Paititi: un relato extraordinario sobre la ciudad perdida de los Incas, en el corazón de la selva peruana. Cuzco: Editorial de Cultura Andina, 1975; Neuenschwander Landa C. Paititi en la bruma de la historia. Arequipa: Cuzzi Impresores, 1983; Aparicio Bueno F. En busca del misterio de Paititi. Cusco: Editorial de Cultura Andina, 1975; Polentini Wester J. C. Por las rutas del Paititi. Lima: Editorial Salesiana, 1979; Angles Vargas V. El Paititi no existe. Cusco, 1992.